

RU

Человек манифестирующий: экзистенциальные аспекты манифестации

Валуев Д. Г.

Аннотация. Целью работы является рассмотрение манифестации как выражения определенного способа существования человека в культуре. Научная новизна заключается в выявлении отличительных черт манифестарного существования через рассмотрение ряда примеров манифестации. В результате исследования показано, что манифестарное существование разворачивается в ситуации переживания актуальной реальности как угрозы для собственного существования в контексте надежды на избавление от неё. Формулируются отличительные черты подобного существования: не-длительность, прорыв, экстатичность и репрессивность. Устанавливаются основные требования к успешности манифестации и примеры невозможности реализации манифестарного смысла, провала манифестации.

EN

Man the Manifestor: Existential Aspects of Manifestation

Valuev D. G.

Abstract. The paper aims to consider manifestation as an expression of a certain way of human existence in culture. Scientific novelty lies in identifying the distinctive features of manifest existence by considering a number of manifestation examples. As a result of the study, it has been shown that manifest existence unfolds in a situation of experiencing actual reality as a threat to one's own existence in the context of the hope of escaping it. The distinctive features of such an existence are formulated: non-duration, breakthrough, ecstatic and repressive nature. The researcher determines the basic requirements for successful manifestation and exemplifies the impossibility of implementing the manifest meaning, manifestation failure.

Введение

Современность постоянно сотрясается от различных радикальных форм заявлений, протестов, демонстраций и перформансов. Многие из них существуют на стыке искусства и политики, претендуют на роль обличителя, указывая на те или иные негативные стороны жизни. Главное их сходство – это речь от первого лица, Я/Мы, призывающего избавиться от давления и угнетения, обрести нечто новое, человеческое. Радикалы, акционисты и критики, словно авангард, объявили новый «век манифестов» и предлагают людям принять участие в авантюрном поиске нового будущего. Подобные манифестации, часто интерпретируемые как политические акты и средства реконфигурации социальных сил, демонстрируют некую цикличность в качестве средств самовыражения в истории человечества. Именно эта повторяемость и возвращение подобных практик заставляют рассмотреть манифестацию через призму человеческого существования, особого переживания реальности и взаимодействия с ней.

Задачами работы, исходя из заявленной цели, являются:

- 1) выявление отличительных черт манифестарного существования человека в сопоставлении его с утопизмом и «воинствующим оптимизмом» как родственными явлениями;
- 2) определение основных форм манифестации и их свойств как инструментов выражения манифестарного смысла, а также критериев успешной манифестации;
- 3) рассмотрение возможных ситуаций «подрыва» манифестации, т.е. невозможности разрешить ситуацию манифестарного существования.

Для достижения поставленных задач в работе используются методы сравнительного анализа манифестов и других форм манифестации и экзистенциального анализа в философии.

Теоретической базой работы являются философия надежды (Э. Блох), концепция «социальной алхимии» (М. Мамардашвили), философия диалога (М. Бубер, А. Пятигорский), а также исследования жанра манифеста с позиций философии (М. Эпштейн, М. Пухнер), филологии и литературоведения (Т. Симян, И. Зыкова, О. Соколова).

Практическая значимость заключается в выявлении основных требований к успешности манифестации, благодаря чему возможен анализ потенциальной прагматики того или иного акта манифестации.

Основная часть

Философское исследование не всегда начинается с определения того явления, которое будет предметом анализа, приводящего к содержательным выводам о его природе и внутренних закономерностях. Нередко явление или семейство явлений даны размыто, контурно, и главная задача – это обозначить его границы, благодаря которым будет прослеживаться конкретная предметная область. Одно из таких семейств явлений, занимающих особую позицию в социокультурной реальности, интуитивно можно обозначить как манифестации: скандальные выставки, эпатажные акции, воинствующие призывы с трибун, эстетика которых – вызов, революция, авангард; их след – бурлящая социальность. Этого интуитивного понимания, узнавания, достаточно для того, чтобы нащупать за манифестацией особый способ существования человека, по отношению к которому она является организованным способом его разрешения и воплощения. Именно это направление мысли – от манифестации к способу существования, манифестарному существованию – будет первой тропинкой на пути прояснения и концептуализации манифестации в её антропологическом, экзистенциальном аспекте.

Чем живет человек манифестирующий? Что может сообщить та или иная манифестация о ядре его существования? Безусловно, любая манифестация есть выражение человеческого чаяния, надежды, она суть её причина и смысл. Содержание надежды манифестации составляют два компонента: а) вера в замещение актуальной реальности Иным, изначально находящимся в модальности потенциально возможного; б) желание стать участником/проводником осуществления подобного замещения. Именно такая надежда обнаруживается в устремлении социалистов и революционеров XIX-XX вв., желавших построить справедливое общество, лишённое эксплуатации и угнетения; в призывах футуристов к избавлению от ограничений академизма и освобождению духа искусства; в действиях и лозунгах левой молодёжи во Франции в мае 1968 г., мечтавшей о подлинно свободном обществе.

Надежда, подкрепляющая манифестарное существование, раскрывает особую ситуацию экзистенциального напряжения, в которую заключен человек: напряжение между наличной реальностью и желаемым, но еще не осуществленным Иным. Наличная реальность воспринимается как угроза существованию. Иное, в свою очередь, – как средство избавления и спасения. В своем манифесте футуризма Ф. Маринетти, критикуя состояние современного ему искусства, провозглашает: «Музеи и кладбища! Их не отличить друг от друга – мрачные скопища никому не известных и не различимых трупов» (Маринетти, 1986, с. 161), после чего призывает к избавлению и освобождению: «Тащите огня к библиотечным полкам! Направьте воду из каналов в музейные склепы и затопите их!.. И пусть течение уносит великие полотна! Хватайте кирки и лопаты! Крушите древние города!» (Маринетти, 1986, с. 162). Схожие смысловые конструкции обнаруживаются и в более близких к нашему времени текстовых манифестациях, например, в Манифесте европейских консерваторов и евроскептиков: «Европе во всем ее богатстве и величии угрожает ложная идея Европы. Эта псевдо-Европа мнит себя венцом нашей цивилизации, тогда как на самом деле намерена лишить нас дома... Погрязшая в предрассудках, предубеждениях и невежестве, ослепленная тщеславным, самодовольным виденьем утопического будущего, лже-Европа подавляет любое несогласие» (<https://thetrueeurope.eu/a-europe-we-can-believe-in>). Если обратиться к более ранним манифестациям, то текст «Марсельезы» будет подтверждением определенной укоренённости подобных построений в ближайшем прошлом. Указание в тексте революционного гимна на угрозу существованию: «Тираны дикою толпой / В наш вольный край вступили... Что хочет здесь орда рабов / С злодеями вождями? / Кому железо сих оков / Куется их царями, / Куется их царями? / Друзья, то нам!.. Какое зверство!.. / И как тут злобой не пылать, / Когда нам рабство, изуверство / Хотят штыками навязать!» (Марсельеза, 1975), – совершается одновременно с призывом сбросить бремя угрозы: «В ружье, друзья! / Сошкнитесь в тесный строй, / Вперед за мной, / Да враг бежит кровавою стезей» (Марсельеза, 1975). Следует заключить, что интрига напряжения между настоящей реальностью и Иным заключается в потребности движения от мертвого к живому: от Не-Жизни как невозможности собственного осуществления здесь и сейчас, к Жизни, возможности собственного осуществления при условии выхода из ситуации здесь и сейчас. Надежда манифестации – это тот опыт смятения, тревоги мысли, что находит выражение в фантазме и мечтах об освобождении, в последних и локализуется Иное, желаемое возможное. Таким образом, надежда – причина обращенности человека на место, время и условия собственного существования как на проблему, требующую собственного разрешения.

Надежда манифестации созвучна с представлениями Э. Блоха (Bloch, 1959, с. 195) о природе утопии и утопизма. Действительно, и манифестация, и утопия предполагают захваченность человека неким идеалом, в той или иной степени противопоставленным наличной реальности. Является ли тогда манифестарное существование частным случаем очарования утопией? Следует сразу отойти от проблемы возможности реализации идеала как критерия сопоставления. Неважно, опирается утопия на реальную возможность Иного, чего придерживался выше упомянутый Э. Блох (Bloch, 1959, с. 196-197), или же утопический проект невозможен в принципе, или должен восприниматься таковым, что высказывал К. Мангейм (Manheim, 1955, с. 179). Возможность или невозможность объективной реализации надежды – весьма дискуссионный критерий, продуктивнее будет акцентировать внимание на отличительных чертах самого существования, как манифестарного, так и утопического.

Если манифестация свидетельствует о наличии экзистенциальной угрозы, потребности в выходе из погруженности в Не-Жизнь, то первой выделяемой чертой манифестарного существования будет его не-длительность – ориентация манифестирующего человека на сокращение длительности подобного способа существования, а значит, на скорейшее разрешение экзистенциальной проблемы. Любая манифестация должна разрешиться как можно скорее, ведь любое продление есть мука существования. Утопия указывает на некий удаленный во времени идеальный конструкт, и в этом смысле можно говорить об у-хронии (в смысле «не сейчас», «когда-нибудь») как аспекте утопии в целом, благодаря которому образуется непреодолимая пропасть между настоящим и будущим. Манифестация, наоборот, стремится свести настоящее и будущее в одну точку на временной шкале, осуществить будущее в «здесь и сейчас». Инструментом для этого может быть только активная преобразовательная деятельность, но по причине собственной не-длительности, она не может быть осмыслена через категории «труда» или «творчества». Они не экономичны, требуют выполнения выбора средств, планирования, предполагают слишком длинную цепочку действий, где каждое звено только отдалает избавление от наличного. Следовательно, необходимо говорить о такой деятельности, которая заключается в радикальном разрыве с реальностью, и для её описания будет использоваться категория «прорыва».

Прорыв есть усилие безальтернативного выхода за пределы ситуации экзистенциальной угрозы. Благодаря ему человек перемещается из знакомого существования в зону неопределенного. Фактически манифестирующий подобен пионеру, прокладывающему путь, не имея необходимых приборов и инструментов, его деятельность является открытием «на страх и риск». Если утопия предлагает фантазию в качестве пристанища, хоть и идеального, но размеченного человеческой мыслью пространства, то манифестация забрасывает человека в неизвестность, где надежда не более чем указатель в потёмках. Несмотря на то, что в актуальной реальности, в ситуации переживания Не-Жизни, человек и был угнетенным/униженным/закабаленным, он все же кем-то был. Он находился в системе маркеров, благодаря которым мог что-то сказать о себе, но в ситуации неопределённого существования подобных маркеров изначально нет. Как обрести собственное имя? Как возможно разрешение подобной проблемы? Хайдеггер отмечал, что в ситуации прорыва существование «в самой крайней актуализации остается временным, т.е. ожидающим, за-бывающим... однако актуализация всегда предлагает “новое”, она не дает присутствию вернуться к себе и успокаивает его постоянно снова» (Хайдеггер, 2013, с. 348). В этом кроется сила манифестации и её суггестия: удовлетворение происходит не от приближения к неким идеальным конструкциям и не в сокрытии за уже известным Я, но от ощущения процессуальности самого разрешения, от пребывания в прорыве: Я есть тот, кто действует здесь и сейчас, и именно мои действия определяют содержание моей Самости.

Погруженность в прорыв указывает на экзатичность как следующую черту манифестарного существования. Экстаз – важная составляющая манифестации, ведь ни утопические модели, ни представления о красоте и справедливости не способны сами по себе сподобить человека покинуть настоящую реальность и перейти в ситуацию неопределённости: из «Я не могу быть здесь...» переместиться в изначальное «Я никто и нигде». Только через погружение в прорыв в экстазе манифестации человек обретает собственный образ.

Подлинный экстаз манифестации – это синтез должествования и эстетизма: «я должен сделать это, чтобы быть» и «я наслаждаюсь тем, что я есть». Вне этого синтеза невозможен захват человека процессом разрешения экзистенциальной угрозы, в котором только и возможно найти смелость и силы для радикальных, предельных действий и стратегий манифестации. Примером радикализма, вытекающего из экзатичности манифестарного существования, может служить манифестация американского антифашиста Уильяма Ван Спронсена в 2019 году, совершившего протестное самоубийство в ходе нападения на миграционный центр в знак сопротивления несправедливости и дискриминации мигрантов и меньшинств. В письме-манифесте, обнародованном сразу после гибели активиста, заявляется: «Я отложил разбитое сердце и исцелился единственным известным мне способом – сделав себя полезным. Я успешно разделил свою боль на части.... И я с радостью делаю эту работу... Делать все, что в моих силах, чтобы защитить своих драгоценных и чудесных людей, – это опыт, который невозможно описать» (<https://telegra.ph/Manifest-Uilyama-Van-Spronsena-aka-ENmma-Durruti-07-17>). Схожая экзатичность может быть усмотрена в акциях российского художника П. Крисевича, который летом 2021 г. на Красной площади в рамках перформанса выстрелил себе голову холостым патроном, перед этим излагая публично свой манифест: «Как в этой тишине работы машины репрессий избавиться от страха? Сбежать? Залечь на дно? У нас есть для вас одно... одно решение... На силу и репрессии мы ответим бесстрашием! Ведь страха больше не будет! Перед кремлёвским занавесом последуют выстрелы» (<https://t.me/sotavision/22761>).

Безусловно, современность предоставляет наилучшие примеры синтетической природы экстаза. Однако манифестации прошлого также указывают на значение экстаза, отличного по сути от родственных ему утопических грёз. Ф. Манюэль и Фр. Манюэль уловили это различие в сравнении манифестов Т. Мора и Т. Мюнцера: «Если Томас Мор хотел упорядочить, одухотворить, стабилизировать общество, то Мюнцер призывал к перевороту, к массовому разрушению, после которого придёт царство Христово... Если Мор мечтал искоренить причины насилия в человеческих отношениях, то Мюнцер наслаждался беспорядками. Его рай должен быть создан благодаря великому воинству, что выступит против князей» (Manuel F., Manuel Fr., 1979, с. 181). Противопоставление утописта Т. Мора и проповедника Т. Мюнцера иллюстрируют различие между двумя родственными способами человеческого существования: пребыванием в благоразумном мечтании о проекте идеального общества и погруженностью в прорыв реальности и скорейшее достижение желаемого. Таким образом, манифестация и идеалистическая утопия должны быть разведены: имея общий корень, манифестарное существование и утопизм предполагают кардинально разные системы мироощущения и мировосприятия.

Но, помимо утопизма, следует упомянуть и иной способ выражения и реализации утопического идеала, обозначен Э. Блохом как «воинствующий оптимизм». Его фундаментом является философия «осознанной надежды» (Manheim, 1955, с. 198-199), предполагающая размещение человеческих сил и действий на «линии фронта мирового процесса – на мало осмысленной передовой линии бытия одухотворенной, утопически открытой материи» (Bloch, 1959, с. 200). Воинствующий оптимизм, противопоставляемый Э. Блохом идеалистическому утопизму и предполагает такую преобразовательную деятельность, которая с необходимостью связана с реальной возможностью, иначе она вырождается и становится «фактором путчизма, а не революции, высокомерных фантазий, а не дела» (Bloch, 1959, с. 199-200). Воинствующий оптимизм представляет собой «теорию и практику обретения дома» (Bloch, 1959, с. 210), что созвучно с манифестарным способом существования. Стоит отметить, что, согласно Э. Блоху, для этого необходимо пересечение возможности осуществления утопического идеала, в силу заданных условий момента «здесь и сейчас» (по-возможности-сущее) и возможности как обоснованного ожидания достижимости этого идеала (сущее-в-возможности). Уделяя отдельное внимание сущему-в-возможности как источнику, необходимо подчеркнуть, что обоснованное ожидание достижимости уже предполагает её осознанность, она должна быть фактом реальности. Человек, погруженный в воинствующий оптимизм, изначально представляет, куда, зачем и как ему плыть, пускай и не в отчетливом категориальном виде. Однако человек, манифестирующий в ходе осуществления прорыва, оказывается в качественно иной ситуации: он отбрасывает настоящую реальность, не имея на руках готовую и продуманную план-схему новой жизни, он должен оказаться за её пределами как можно быстрее, без каких-либо условий и действовать уже по ту сторону границы. Если для воинствующего оптимиста все вырастает из предварительного знания «как должно быть», для манифестирующего человека само «как должно быть» не изначально заданное, а результат разрешения проблемы его существования. Воинствующий оптимист – архитектор-строитель, работающий с новыми материалами и инновационными чертежами, манифестирующий человек – революционер-агитатор, облекающий мечты в образы и передающий их людям. В первом случае преобразуется реальность напрямую, во втором – происходит обретение собственного Я и образа желаемого Иного. Содержание манифестации как выражения определенного способа существования можно выразить как «Возможно иначе!». Таким образом, следующей чертой манифестарного существования является проявление сущего-в-возможности как факта реальности.

Безусловно, утверждение, что проявление есть черта манифестарного существования, банально, ведь сама этимология латинского слова *manifestatio* указывает на неё прямо. Проявление как центральную функцию манифестов отмечали философы, культурологи и литературоведы (Андреев, 1986; Симян, 2013; <http://russ.ru/pole/Vkusk-zhanru-manifesta>). Но куда важнее указать на его укоренённость в самом способе существования человека манифестирующего. Манифестация на онтическом уровне выступает выражением обретения собственного Я как цели манифестарного существования. Отсюда вырастает различие сущностное различие манифестарного существования с воинствующим оптимизмом, но также обнаруживается их тесная связь. Она подобна связи между членораздельной речью взрослого и первой пробой голоса ребёнком: если воинствующий оптимизм есть страстная практика, то манифестация – открытие возможности подобной практики. Прорыв, реализуемый через манифестацию, разрешается в качестве «веера будущности» (https://www.emory.edu/INTELNET/mt_bonsai.html), осознанной возможности достижения Иного.

Прорыв как разрешение не-длительного существования предполагает отсутствие направленности и устремлений ко всему, кроме самого процесса разрешения. Наличная реальность, облеченная в Не-Жизнь («Я не могу здесь Быть»), отбрасывается как пространство и актуального, и потенциального утешения – всё, что связано с ним, должно быть также отброшено: «Весь мир насилия мы разрушим / До основанья, а затем / Мы наш, мы новый мир построим, / Кто был ничем, тот станет всем!» (Потье, 2021, с. 58). Манифестация, сопровождаемая экстазом, не оставляет настоящей реальности шансов на какое-либо существование. Манифестарное существование предполагает расчеловечивание и инструментализацию реальности. Как подметил М. Мамардашвили, современный утопизм в целом неотделим от готовности отдать на заклятие других людей и мир в целом, а «для этого нужны совершенно определённые психологические экстатические состояния, в которых жертв своего акта ты просто не воспринимал бы в качестве людей, потому что, стоит тебе их воспринять как таковых, ты уже не сможешь бросить бомбу» (Мамардашвили, 2017, с. 445). Всё, что не подсоединяется к общему движению манифестации и не созвучно ему, есть элемент ужасающей и обременяющей реальности, Не-Жизни. Никакое указание на возможную значимость этих элементов или апелляция к их субъектности невозможны, каждый из элементов Не-Жизни является отработанной и опасной «вещью», хотя степень такого радикализма может варьироваться. В «Манифесте коммунистической партии» эта черта выражается через концептуализацию буржуазии сперва как исторически необходимого элемента общественного развития, а затем – как класса, который «производит прежде всего своих собственных могильщиков. Её (буржуазии. – Д. В.) гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны» (Маркс, Энгельс, 1968, с. 38). Вышеупомянутая Марсельеза, будучи изначально песней добровольческого батальона, демонстрирует более агрессивное и бескомпромиссное отношение к врагу, французской аристократии и её сторонникам, призывает к её прямому уничтожению. Можно утверждать, что репрессивность по отношению к Другому и к настоящей реальности выступает ещё одной чертой манифестарного существования. Репрессивность сопряжена с двумя смыслами: во-первых, неизбежной карой, мстостью; во-вторых, принуждением Другого к совершению того или иного действия. Манифестарное существование предполагает вынесение приговора реальности, приводимого в исполнение немедленно.

Теперь, когда вопрос об экзистенциальных основаниях манифестации прояснен, уместно приступить к следующему размышлению, но построенному уже по иному направлению: от манифестации к формам

её выражения. Манифестация, являясь реализацией конкретных способов существования, предстает как совокупность различных действий, т.е. инструментов, которые можно обозначить как формы манифестации. Они служат выражением манифестарного смысла, и именно благодаря им человек разрешает драму своего существования. Формы манифестации, следовательно, должны согласовываться с чертами манифестарного существования и в своей организации и прагматике отсылать к ним.

Прежде всего, экзотичность и репрессивность манифестарного существования предполагают, что в момент выражения манифестарного посыла человек не будет ограничивать себя в выборе инструментария. Если всё самое важное происходит в момент прорыва, более того, настоящая реальность не заслуживает ничего, кроме роли топлива в движении в желаемому Иному, то нет необходимости в выборе средств и форм манифестации. Хорошим примером этому может служить «классическая» форма манифестации – манифест. Стоит отметить, что классичность манифеста скорее ирония, чем содержательное определение. К составлению манифеста обращаются как к правилу манифестации, но сам по себе он не имеет какого-либо жанрового эталона. Филолог И. Зыкова, изучающая манифесты авангарда, отмечает, что с жанровой точки зрения, авангардистский манифест – это «конструкт, собранный из множества разнородных деталей, в которых отражается его, по сути, “эkleктическая” натура» (Зыкова, 2012, с. 207). Если взглянуть на манифесты футуристов и авангардистских объединений, то они всегда совмещали в себе черты призывов, обличительных писем, деклараций и памфлетов. Более ранние примеры манифестов также эклектичны, но в меньшей степени. «Защита и прославление французского языка» Ж. дю Белле (Белле, 1981) является примером раннего манифестарного эклектизма: написанный в пограничной форме между трактатом и письменным обращением к конкретному лицу, он содержит размышления о принципах новой французской поэзии и в то же время – призыв к действиям против тех групп и тенденций, что не дают французской поэзии выйти из кризиса. Фактически, внутренняя эклектичность формы манифестации есть как черта, так и условие манифестации. Чем больше средств и инструментов будет использовано, тем сильнее будет воздействие и на эмоциональную, и на рассудочную составляющие человека.

Эклектика форм манифестации соединяется с другой чертой и условием манифестации – экспериментальностью. Как было указано ранее, манифестарное существование предполагает выход за границы наличной реальности и обращенность к самому процессу прорыва этой реальности. Раскованность существования, отбрасывание привычного приводит к устремленности человека к радикально Новому. Оно может быть получено только благодаря творческому сопряжению различных элементов, революционной комбинаторике, другими словами, благодаря эксперименту с реальностью. Опорой этому служит репрессивность манифестарного существования, позволяющая овеществить реальность и не ограничивать «старой моралью» сам эксперимент. Как отмечал М. Пухнер, в своём манифесте К. Маркс прибегает к таким стратегиям, как «запрещенная театральность и перформативный поэзис» (Puchner, 2006, с. 32) при передаче и разъяснении своего социально-политического проекта, благодаря чему и становится возможной прагматика манифестарного призыва. В то же время следствием эксперимента является эпатаж и скандальность формы манифестации. Радикально Новое, полученное не по правилам актуальной реальности, предстаёт либо смелостью, либо безумием в глазах других людей. Так или иначе, эпатаж эксперимента позволяет не только проявить радикально Новое, но и вывести его в центр коммуникации, сделать его предметом общественного обсуждения.

Выход за границы наличной реальности при манифестарном существовании непременно сопровождается смешением не связанных дискурсов, например, политического и художественного. Это освещено в исследовании О. Соколовой, утверждающей, что авангардные манифесты «представляют собой жанр, обладающий поэтическим и политическим зарядом. Основной целью футуристического манифеста становится не столько выражение неприятия существующей ситуации, сколько четкое и лаконичное формулирование основных эстетических принципов, тактик и стратегий нового искусства, обозначение точки бифуркации прошлого и будущего» (Соколова, 2018, с. 221). О. Соколова, опираясь на концепцию перформативности, указывает, что подобные тексты «представляют собой тексты-действия, формирующие и меняющие сознание реципиента и трансформирующие окружающую реальность» (Соколова, 2018, с. 223). Таким образом, манифест как базовая форма манифестации представляет собой инструмент соединения очарования литературного вымысла и акта политической воли. Пограничность формы манифестации, актуализация и использование ею дискурсов политического и поэтического есть третья черта и условие успешности манифестации.

Перформативная природа форм манифестации, выраженная в их целенаправленном воздействии на другого человека, позволяет посмотреть на манифестацию как на процесс производства, осуществляемого по определенному механизму. Конечно, понятие «производство», как и «продукт», должны употребляться по отношению к манифестации с осторожностью. Результатом манифестации, как было установлено ранее, выступают мыслеобразы собственного Я и желаемого Иного, которые должны быть воплощены. В манифесте футуризма субъект «Я/Мы» представлен следующим образом: «Мы разрушим музеи, библиотеки, учебные заведения всех типов, мы будем бороться против морализма, феминизма, против всякой оппортунистической или утилитарной трусости... Мы будем воспевать огромные толпы, возбужденные работой, удовольствием и бунтом; мы будем воспевать многоцветные, многозвучные приливы революции в современных столицах; мы будем воспевать дрожь и ночной жар арсеналов и верфей» (Маринетти, 1986, с. 160-161). Здесь мы видим широкое определение субъекта манифестации, данное через ряд «должно», только очерчивающее границы Самости, но не предлагающее готовую модель Я. Схожим образом это реализовано в манифесте движения «Догма 95», написанного Ларсом фон Триером в 1998 году, где для причисления себя к движению

необходимо дать «Обет целомудрия» (<https://kinoart.ru/texts/dogma-95-manifest>). Обет состоит из 10 установок в форме «должно/недолжно»: «Клянусь следовать следующим правилам <> Съёмки должны производиться на натуре <> Звук никогда не должен записываться отдельно от изображения и наоборот <> Фильм должен быть цветным. Искусственное освещение не допускается <> Фильм не должен содержать внешнее действие, экшн» (<https://kinoart.ru/texts/dogma-95-manifest>) и т.д. Таким образом, одним из продуктов манифестации является Образ-Я как субъект манифестации, который предполагает широкие границы определения, способствующего скорее «узнаванию» субъекта, нежели его моделированию.

Итак, если Образ-Я выступает основным продуктом манифестации и транслируется через её формы, то уместно задать вопрос: как организован процесс передачи и усвоения, какой механизм лежит в его основании? Если продолжать опираться на текстовые манифесты как пример формы манифестации, то ответ может показаться очевидным. Как и любой другой пример литературы, он должен разворачиваться в качестве диалоговой ситуации. А. Пятигорский рассматривал литературу как пространство встречи Ego и Alter Ego, результатом которого является формирование «Своего», т.е. знания и/или образа Ego, которое не является до конца ни личным, ни чужим знанием об Ego (Пятигорский, 1996, с. 266). «Свое», таким образом, выступает местом заключения опыта Ego вне его самого, что позволяет постоянно обращаться к нему и заново переживать. Ключевым здесь является именно природа «Своего», его положение между двумя инстанциями диалога как равными участниками. Оно всегда является динамичной структурой и постоянно видоизменяется и реинтерпретируется при каждой новой встрече Ego и Alter Ego на страницах литературных произведений. Присутствует ли подобная диалогичность в манифесте? Ответ будет отрицательным. Сама структура манифеста демонстрирует всю суть репрессивной природы манифестарного существования: а) присутствует Я, от лица которого осуществляется выражение манифестарного смысла; б) существует некий Предмет, т.е. элемент реальности, или сама реальность, которая заключена в губительную для Я форму; в) постулируется наличие Другого, как причины губительности Предмета для Я; г) утверждается необходимость избавления от Другого и от губительной формы Предмета; д) совершается призыв, требование следовать и соответствовать образу Я. Другой, как и манифестирующее Я, не обладает точным определением, его границы размыты. За ним может скрываться Система, угнетающая граждан контролем за интернет-сетями, как это представлено в Манифесте киберпанка (<http://old.guelman.ru/slava/manifest/istochniki/kiberpank.htm>), или социально-политическая сила, на которую происходит только указание, но не её определение, по примеру указания на «популистов, заполонивших континент», в манифесте «Европейский дом в огне!» (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jan/25/fight-europe-wreckers-patriots-nationalist>). Наиболее важен здесь тот тип отношений, который выстраивается между Я и Другим, а именно противоборство, содержанием которого выступает право на существование. Другой – зло, враг, которого не должно быть в реальности, его исключение из неё и есть первый шаг на пути разрешения манифестарного существования. Поскольку такая оптика не предполагает выхода из ситуации дихотомии, то предполагается только два возможных варианта самоопределения: либо как лица, готового принять на себя Образ-Я, либо как представителя Другого, следовательно, врага. Манифест разворачивается вокруг ситуации монолога, «без движения навстречу другому, без обретения другого и пребывания в другом» (Бубер, 1999, с. 142). Согласно М. Буберу, монолог предполагает желание одного из участников самоутвердиться, отношение к Другому как к объекту, что созвучно репрессивности манифестарного существования. Однако монологичность разворачивается не внутри манифестации, но и между ней и аудиторией. Последняя также лишается права на определение вне представленной дихотомии Я/Другой. Так, Образ-Я, транслируемый через формы манифестации должен быть не встречен и интерпретирован человеком по той же схеме, что и «Свое», выводимое А. Пятигорским, но принят бескомпромиссно и полно. Фактически речь идет о репликации Я, заключенного в форме манифестации: цель манифестарной прагматики – умножить количество однотипных агентов, пребывающих в схожем переживании жизненной ситуации и служащих проводниками реализации конкретного манифестарного смысла.

Итак, поскольку выше были обозначены основные условия успешной манифестации, нужно четко определить критерии её успешности. Изначально предполагается, что успешна та манифестация, которая производит изменения в окружающем социокультурном пространстве: новое направление в искусстве, новые центры силы и общественные движения и т.п. Действительно, формы манифестации должны реконфигурировать реальность. Но достаточно ли идти по следу манифестации, чтобы утверждать, что та или иная манифестация достигла своей сущностной цели? Можно ли отнести к манифестации Нагорную проповедь Христа? Что общего у неё с манифестом очередного стартапа или бизнес-агентства? Экзистенциальная оптика, рассматривающая манифестацию как выражение определенного способа существования, предлагает иное направление в поиске ответа.

Во-первых, раз манифестация есть выражение способа существования человека, то она есть организованная сеть актов разрешения ситуации этого существования. Манифестируя, человек в первую очередь выходит, порывает с актуальной реальностью и начинает безвозвратное движение к желаемой потенциальной реальности. Человек добровольно бросает своё «место», отмеченное печатью страданий и смерти, и начинает путь неопределённости, обретающей смутные очертания. Если прояснять метафору, то можно утверждать, что человек манифестирующий отказывается, отбрасывает самим актом манифестации собственное Я, отмеченное гибельностью жизненной ситуации, и пытается построить новое Я, обрести самость, созданную собственными действиями. Во-вторых, как упоминалось ранее, манифестация проявляет сущее-в-возможности, т.е. как реальную возможность Иного. Конечно, речь идёт о том, что реальная возможность Иного должна быть принята обществом как факт реальности. Более того, стоящий по ту сторону манифестации, тот, кто её воспринимает, должен быть захвачен манифестарным смыслом: он должен принять реальную возможность Иного как собственную цель и благодаря

этому присоединиться к движению субъекта манифестации. В этом и есть суть репликации: умножение Образа-Я, транслируемого через формы манифестации и его деятельное воплощение совокупностью агентов.

Чтобы показать эффективность использования этих положений в качестве критериев успешной манифестации, стоит прибегнуть к рассмотрению ряда примеров из современной истории, когда манифестации не достигали своей сущностной цели. Такой метод «от противного» позволит понять особенности циркуляции форм манифестации в пространстве массмедиа и цифровых технологий. Увеличение производства информации, её качественно иная доступность и инклюзивность должны радикально менять ход манифестации и её результаты. Подобные неудачи, провалы манифестации в дальнейшем предлагается именовать как «трагедии манифестации». Понятие «трагедии» будет отсылать к ситуации не реализации манифестарного смысла, т.е. к невыполнению одного из двух выше перечисленных критериев.

Прежде всего, существует проблема с использованием некоторых форм манифестации, многие из которых приобрели характер культурного жеста, укоренённого в социальной практике и культурной привычке. Сильнее всего это отразилось на манифестах. Обретя черты отдельного жанра еще в начале XX в. благодаря активной творческой деятельности деятелей авангарда, манифест стал формой большого количества заявлений вообще: от манифеста компании «Норникель» (https://www.nornickel.ru/upload/iblock/e1e/Manifesto_of_our_values.pdf), декларирующего корпоративные ценности, до так называемых «личных манифестов» (<https://ideanomics.ru/articles/3738>), своеобразных мотивационных средств и инструментов психотерапии. Главная проблема такой манифестации в том, что манифестацией как таковой она не является. За подобными формами манифестации не скрывается никакого манифестарного существования: нет ни особого переживания реальности как ситуации экзистенциальной угрозы, ни направленности на выход за её пределы в целях продления Иного. Иначе говоря, это примеры несоответствия формы и содержания по причине выхолащивания и обнищания формы. В современной истории присутствуют и более «мягкие» примеры этого несоответствия, не до конца очевидные. К таковым можно отнести Манифест медленной науки (<https://ideanomics.ru/articles/3738>), опубликованный в 2010 г. По своей структуре манифест соответствует манифестарному послы: субъект манифестации, научное сообщество, конституирует негативное воздействие на науку правил (количественных способов оценивания научной деятельности), навязываемых рыночной экономикой и государственными институциями. Сам манифест получил определенное распространение и послужил средством сплочения группы сторонников «медленной науки». Однако манифест выражает желание исправить некоторые элементы реальности, остановить некоторые её тенденции, оцениваемые как негативные и пагубные. Как указано в манифесте: «Не поймите нас неправильно – мы поддерживаем ускоренное развитие науки... Нам нужно время, чтобы думать» (<https://ideanomics.ru/articles/3738>). Манифест выражает озабоченность, желание исправить часть реальности, но никак не её переживание в качестве угрозы собственному существованию. Заявление о «медленной науке» не приводит к бунтам против «быстрой науки», не заставляет участников к действию вопреки реальности здесь и сейчас. Контрпримером может послужить «Речь Дракона» (<https://www.youtube.com/watch?v=VwZi58u1FjI>) геймдизайнера К. Кройфорда, которую он произнес на Конференции разработчиков игр в 1992 г. В своей речи он указал на противоречия между его взглядами на игровую индустрию и теми порядками, которые преобладали в этой сфере. Объявив о своём уходе из игровой индустрии и сравнив свой поступок с безумием Дон Кихота, Кройфорд со словами «Давай, дракон, я буду драться с тобой. Санчо Панса, мой меч! За правду! За красоту! Для искусства! Заряд!» покинул зал конференции. В дальнейшем он продолжил реализовывать свой концептуальный взгляд на геймдизайн и видеоигры в целом, так и не вернувшись к большим коммерческим проектам. Таким образом, «Речь Дракона» является примером успешной манифестации, в отличие от Манифеста медленной науки, который манифестацией может быть назван с трудом. Подобный провал манифестации отмечен несоответствием между употребляемой формой и самим способом существования. По этой причине данный тип трагедии следует именовать «трагедией несоответствия», а саму манифестацию – псевдоманифестацией.

Но что если форма манифестации отсылает к манифестарному существованию, но все равно не достигает результата? В таком случае причину неуспеха манифестации стоит искать в невыполнении условий манифестации, когда форма манифестации оказывается в среде, которая блокирует то или иное условие её осуществления. Что будет, если поместить репрессивный и монологичный текст в коммуникативную ситуацию диалога? Именно это произошло с текстом манифеста К. Богомолова «Похищение Европы 2.0» (<https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohisshenie-evropy-2-0>). Типичный по структуре манифест изначально получил приписку от редакции информационного портала: «Делаем это в порядке приглашения к дискуссии. В ближайшее время обязательно будет ответ» (<https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohisshenie-evropy-2-0>). Приглашение к диалогу, с одной стороны, и сама возможность комментирования манифеста в различных социальных сетях свели на нет силу манифестации. Вместо переживания манифестарного послы, перехода к действиям читатель сталкивался с дополнительным набором критической информации, сопровождающей манифест в виде комментариев и критических заметок. Система интернет-платформ делает их составной частью любого текста, читатель больше не остается с ним один на один: всегда присутствует многоголосье, дающее ту или иную оценку тексту. Интернет предполагает шанс трансформации текста-действия, каковым является манифест, в текст-мнение, отводя читателя от следования за текстом в сторону рассуждений о его содержании. Подобный тип трагедии манифестации, заключенный в несоблюдении условий успешности манифестации по причине неуместности формы манифестации, следует именовать «трагедией места».

Безусловно, при более глубоком анализе различных примеров современной манифестации можно обнаружить иные причины и ситуации провала манифестации. Данный краткий очерк преследовал цель продемонстрировать возможности объяснения подобных ситуаций, исходя из экзистенциального взгляда на природу манифестации.

Заключение

1. Следует различать несколько уровней манифестации: а) манифестарное существование как определенное переживание человеком ситуации экзистенциальной угрозы и предполагаемое разрешение этой ситуации в соответствии с отличительными чертами этого существования; б) собственно манифестацию как сеть практик, направленных на реализацию смысла манифестарного существования – обретение Образа-Я и Иного как реальной возможности освобождения; в) формы манифестации, т.е. конкретные акты, облеченные в ту или иную материальную форму, транслирующие манифестарный смысл.

2. Манифестарное существование предполагает переживание человеком актуальной реальности как Не-Жизни, как пространства, в котором его существование находится под угрозой. Центральным элементом такого существования выступает надежда на возможность выхода из Не-Жизни, через прорыв – осуществление радикального разрыва с актуальной реальностью и выхода за её границы в неопределенное существование. Прорыв предполагает не-длительность манифестарного существования, желание скорейшего разрешения и требует экстатического погружения человека с целью обретения образа собственного Я через деятельность внутри прорыва. Не обращаясь к актуальной реальности, внутри прорыва, человек манифестирующий проявляет радикально новое и утверждает его право на возможность реального воплощения. При этом сама актуальная реальность сводится к «вещи», по отношению к которой возможны любые репрессивные меры.

3. Черты манифестарного существования (не-длительность, прорыв, экстаз, репрессивность и проявление) определяют основные характеристики форм манифестации, которые следует также считать условиями успешной манифестации. Репрессивность и экстатичность предполагают обращение к актуальной реальности как к лаборатории, где нет необходимости подбирать средства согласно поставленной цели. Это выражается в эклектичности форм манифестации и их экспериментальном характере. Также формы манифестации, анализируемые в соотношении с манифестарным существованием, лежащим в их основе, демонстрируют особый способ производства Образа-Я как средства обретения человеком самости. Механизм, лежащий в основе этого производства, следует назвать репликативным, т.к. формы манифестации предполагают его трансляцию как единственно возможный способ самоопределения. Другие обязаны принять его и следовать той системе действий, через которую и объясняется Образ-Я, иначе они объявляются частью отрицаемой манифестирующим субъектом актуальной реальности. Следовательно, любая форма манифестации требует нахождения в ситуации монолога, пространстве, где её голос будет заглушать Другого.

4. Успешность манифестации можно оценивать исходя из двух критериев: а) согласованности форм манифестации с манифестарным существованием; б) выполнения основных требований, предъявляемых к формам манифестации. Провалы манифестации, нереализованность манифестарного смысла предлагается обозначить как «трагедии манифестации». С определенной точностью можно выделить два типа трагедии манифестации. Первая, «трагедия несоответствия», предполагает отсутствие манифестарного существования за формой манифестации, в таком случае следует говорить о псевдоманифестации. Вторая, «трагедия места», возникает при невозможности исполнения монолога и заглушенного манифестарного смысла Другим: сойдя с трибуны, манифестация тонет в рыночном многоголосье.

Перспективы дальнейшего исследования. Рассмотрение манифестации в её экзистенциальном аспекте предоставляет теоретическую базу для культурологических и антропологических исследований, связанных с возникновением и прагматикой манифестарных практик. Во-первых, поскольку манифестарное существование предполагает размещение человека в определенной конфигурации реальности, необходимо прояснить вопрос зарождения ситуации манифестации, когда манифестирующий переживает реальность как угрозу при условии наличия в самой реальности объективной возможности для выхода из-под её давления. Таким образом, ставится вопрос о том, что можно назвать «протоманифестацией» и какие условия самой реальности стали фундаментом для практик освобождения от неё. Во-вторых, турбулентность современного общества, цифровизация и глобализация изменяют условия существования человека, что также влечет и изменение протекания манифестации. Намеченные в работе провалы манифестации ставят вопрос о том, что и как может повлиять на саму манифестацию и к чему может привести неразрешение манифестарного существования.

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

The reported study was funded by the RFBR, project number 20-011-00622 A “Philosophy as an Action: Pragmatics of Textual Behaviour”.

Источники | References

1. Андреев Л. Г. Порывы и поиски двадцатого века // «Называть вещи своими именами»: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986.
2. Белле дю Ж. Защита и прославление французского языка // Эстетика Ренессанса: антология: в 2-х т. М.: Искусство, 1981. Т. 2.
3. Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999.
4. Зыкова И. В. «Новые пути слова»: теория и методология когнитивного исследования авангардного манифеста // Критика и семиотика. 2012. № 2.
5. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2017.
6. Маринетти Ф. Т. Первый манифест футуризма // «Называть вещи своими именами»: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат, 1968.
8. Марсельеза / пер. М. Я. Венюков // Вольная русская поэзия XVIII-XIX веков. М.: Художественная литература, 1975. URL: http://az.lib.ru/w/wenjukow_m_i/text_0030.shtml
9. Потье Э. Интернационал // Национальная электронная библиотека. 2021. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005198800
10. Пятигорский А. М. «Другой» и «Свое» как понятия литературной философии // Пятигорский А. М. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
11. Симян Т. С. К проблеме манифеста как жанра: генезис, понимание, функция // Критика и семиотика. 2013. № 2.
12. Соколова О. Авангардный манифест: между поэтической и политической революцией // Сборник матице Српске за славистику. 2018. № 93.
13. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Академический проект, 2013.
14. Bloch E. The Principle of Hope. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1959. Vol. 1.
15. Manheim K. Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge. N. Y.: Mariner Books, 1955.
16. Manuel F., Manuel Fr. Utopian Thought in the Western World. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1979.
17. Puchner M. Poetry of the Revolution: Marx, Manifestos, and the Avant-Gardes. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Информация об авторах | Author information**Валуев Дмитрий Георгиевич¹**¹ Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь**Valuev Dmitry Georgiyevich¹**¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol¹ dgvaluev@gmail.com**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 05.09.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): манифестация; манифестарное существование; форма манифестации; экстаз; трагедия манифестации; manifestation; manifest existence; form of manifestation; ecstasy; tragedy of manifestation.